

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Юджин
О'Нил**

**Луна для
пасынков судьбы**

Пьеса в четырех действиях

Перевод с английского
Елены Голышевой
и Бориса Изакова

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(7Сое)-6
О-58

**Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

*Перевод с английского
Елены Голышевой и Бориса Изакова*

О'Нил, Юджин.

О-58 Луна для пасынков судьбы: Пьеса / Пер. с англ.
Е. М. Голышевой и Б. Р. Изакова. — М.: Агентство
ФТМ, Лтд., 2017. — 144 с. (Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2392-8

Действие разворачивается на ферме Фила Хогена. Трое его сыновей сбежали из дома, не выдержав деспотии и агрессивного поведения отца. Уживается с ним лишь тридцатилетняя дочь Джози — крупная и способная к работе, пользующаяся, однако, весьма сомнительной репутацией гулящей женщины. Последний из ее братьев, уходя из отцовского дома, советует ей окрутить кого-нибудь и остепениться. Лучше всего, по его разумению, подходит пьяница Джим Тайрон, у которого Хогены арендуют ферму. Ей претит даже мысль о подобном союзе, однако отец согласен с сыновьями.

ISBN 978-5-4467-2392-8

© Перевод. Е. М. Голышева,
Б. Р. Изаков, наследники, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

Действующие лица

Джози Хоген.

Фил Хоген — ее отец.

Майк Хоген — ее брат.

Джеймс Тайрон.

Стедмен Хардер.

Действие пьесы происходит в штате Коннектикут, в доме фермера-арендатора Фила Хогена между двенадцатью часами дня в начале сентября 1923 года и на заре следующего дня.

Дом этот, мягко говоря, не может служить образцом американской архитектуры, который гармонировал бы с ландшафтом. Он явно привезен сюда, и это сразу видно. Старый дощатый барак, крытый щепой, с кирпичной трубой, на полуметровом бревенчатом фундаменте. В той стене дома, которую мы видим, два окна прорезаны в нижнем этаже и одно — в верхнем. На окнах нет ни ставен, ни занавесок, ни штор. В каждом из них

выбито по меньшей мере одно стекло и дыра заделана картоном. Дом когда-то был выкрашен в едкий желтый цвет с коричневым бордюром, но стены потемнели и почернели от непогоды, на них видны потеки и пятна грязно-лимонного цвета. Сразу же за левым углом дома ступеньки ведут на переднее крыльцо. Но что делает дом еще некрасивее — это одноэтажная пристройка справа. Футов двенадцати в длину и шести в высоту, эта комнатка, которая служит спальней Джози Хоген, явно сбита своими руками. Ее стены и покатая крыша покрыты выгоревшим на солнце, свинцово-серым толем. Рядом со стеной дома, к которому пристроена эта комната, — дверь; от нее спускаются три некрашенные ступеньки. Справа от двери оконце. От ступенек протоптана дорожка; она ведет к старой груше, которая растет в глубине справа, и через скошенный луг — к роще. Такая же тропинка ведет налево к дороге, тянущейся от шоссе (метрах в ста налево) к дому, а далее, петляя через запущенный яблоневый сад, к сараю. Возле дома, под окном, расположенным рядом со спальней Джози, лежит большой плоский валун.

Действие первое

Скоро полдень. Ясный и жаркий день.

Дверь спальни Джози открывается, и она выходит на ступеньку, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку. **Джози** двадцать восемь лет. Она слишком крупна для женщины (рост ее — сто восемьдесят сантиметров, а вес — около ста килограммов). Ее покатые плечи широки, грудь большая, крепкая, талия тонка по сравнению с плечами и бедрами. У нее длинные, красивые руки необычайной силы, хотя мускулов на них не видно. Такие же у нее и ноги. Она сильнее почти любого мужчины, кроме какого-нибудь богатыря, и способна выполнять тяжелую работу за двоих. Но в ней нет ничего мужеподобного. Она женщина с головы до пят. По лицу ее можно безошибочно угадать, что она ирландка: у нее короткая нижняя губа, маленький нос, густые черные брови, жесткие, как конская грива, черные волосы, светлая, хоть и загорелая, в веснушках кожа, выдающиеся скулы и крупный подбородок. Ее никак не назовешь хорошенькой, но большие

темно-голубые глаза красят ее лицо, а улыбка, открывающая ровные, белые зубы, придает ему удивительную прелесть. На ней дешевое голубое платье без рукавов, ноги босы. Она спускается со ступенек, подходит к левому углу дома и вглядывается, нет ли кого-нибудь возле сарая. Потом, озираясь, быстро идет направо.

Джози. Ну, слава богу! (Возвращается к своей двери.)

Справа, из глубины сцены, появляется ее брат **Майк**. Майку Хогену двадцать лет, он на десять сантиметров ниже сестры, крепко сбит, но рядом с ней кажется просто щуплым. У него заурядная внешность ирландца из престоногодья, лицо выражает то недовольство, то расчетливую хитрость, то самодовольное ханжество. Он ни на минуту не забывает о том, что он набожный католик, усердно выполняющий все религиозные обряды, а посему ему дарована благодать Всевышнего в этом мире, населенном проклятыми грешниками, протестантами и дурными католиками. Короче говоря, Майк — американская разновидность ирландского пуританина из католиков, в общем — противный юноша. На нем грязный комбинезон, выгоревшая от пота коричневая рубашка. В руках — вилы.

Джози. Ну и хлебнешь же ты горя, копуша! Говорила я тебе, кончай в половине двенадцатого!

Майк. А как мне было смыться раньше, ежели он подглядывает за мной из-за угла сарая, не дай бог, чтобы я передохнул? Пришлось дожидаться, покуда

он не уйдет в свинарник. (Со злобой.) Там ему и место, старому борову!

Джози с поразительной быстротой отвешивает ему тяжелой рукой оплеуху. Она не собиралась бить его всерьез, но голова его запрокинулась, он чуть не упал, выронив вилы, и сразу же трусливо заскулил.

Не дерись! Чего ты!

Джози (негромко). А ты насчёт него не прохаживайся. Он мой отец, мне он нравится.

Майк (отойдя от нее на безопасное расстояние и надувшись). Да, вы — два сапога пара. И сапоги-то гнилые.

Джози (добродушно). Ну и слава богу. А тебя я вовсе и не била, не то лежал бы на земле, как колода. Так, приласкала маленько, чтобы ты чуточку поумнел. А вот ежели отец узнает, что ты хочешь сбежать, он избьет тебя до полусмерти. Тащи чемодан. Я его уложила. Стоит у меня за дверью, а сверху положен пиджак. Поворачивайся, я погляжу, что он там делает. (Быстро заглядывает за угол дома.)

Майк поднимается по ступенькам к ней в комнату и возвращается, неся старый пиджак и выдававший виды, туго набитый чемодан.

(Идет обратно.) Покуда его не видно.

Майк опускает на землю чемодан и надевает пиджак.

Я уложила все твои вещи. Переоденешься в праздничный костюм либо в уборной на станции, либо в поезде, не забудь только лицо умыть. Небось сам

хочешь получше выглядеть, когда придешь к братцу Томасу? *(Улыбаясь, добродушно, но с издевкой.)* Он-то ведь у нас птица важная, не кто-нибудь, сержант полиции в Бриджпорте! Может, и тебя туда пристроит. Тебе там самое место. Так и вижу, как ведешь в участок пропойцу и толдычишь ему о вреде пьянства. Ну а ежели Томас сам тебе не найдет работы, то передаст на руки братцу Джону, почтенному буфетчику в Мериdene. Тот уж обучит тебя своему ремеслу. Из тебя выйдет не буфетчик, а золото: из кассы воровать не будешь, сам пить — ни-ни, а стоит посетителю повеселеть, как ты тут же со своими проповедями: «Вам уже хватит, лучше идите домой». *(Вздыхает с сожалением.)* Да что говорить: как родился попам на радость, так и помрешь.

Майк. Ладно. Смейся, смейся над тем, что я хочу быть порядочным.

Джози. Да ты еще хуже, чем порядочный. Ходячая добродетель.

Майк. Хотя бы и так, а вот никто этого не скажет про... *(Замолкает, не столько устыдившись, сколько боясь договорить до конца.)*

Джози *(весело)*. Про меня? Не скажет. И даже не подумает. *(Насмешливо улыбается.)* Знаю, как тебе было тошно жить с сестрой, у которой дурная слава на всю округу.

Майк. Имей в виду, это не я говорю. Не хочу на прощанье с тобой ссориться. Ничего, я твои грехи отмолю.